

КРОКОДИЛ

ИЗ МОЕГО
ВОЕННОГО
АРХИВА

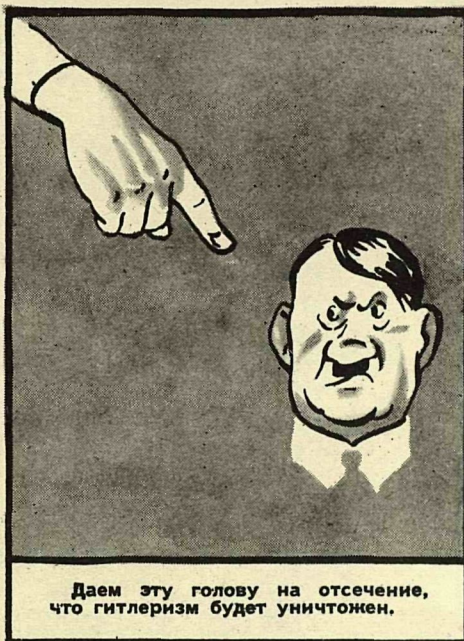
№ 13 (1591)

10 МАЯ 1960

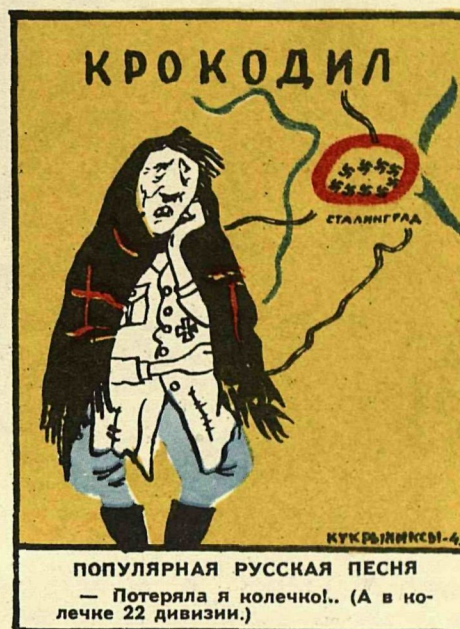
Эти поучительные документы, ставшие ныне достоянием истории, мы решили обнародовать именно сегодня — в пятнадцатую годовщину победы над фашизмом.

В июне 1941 года Крокодил давал голову (не свою, конечно, а Гитлера) на отсечение, что фашистская Германия будет разгромлена. События последующих лет (см. документы из нашего военного архива) подтвердили, что Крокодил не зря рисковал головой (Гитлера, конечно, а не своей).

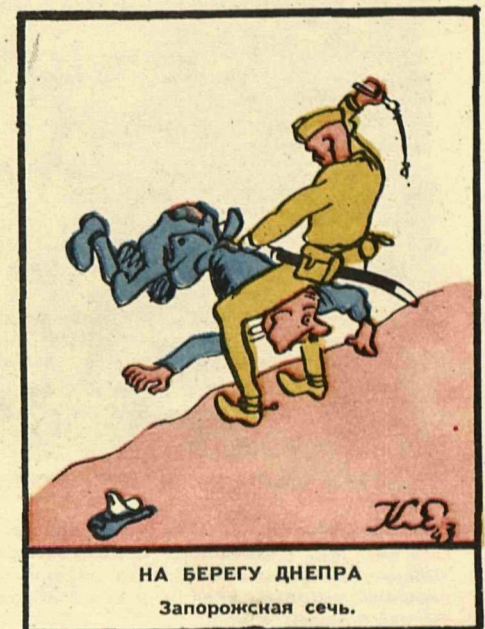
Думается нам, что такое напоминание может оказать отвлекающее действие на воспаленные головы нынешних рваншистов и любителей военных авантур.

Июнь 1941 г.

Декабрь 1942 г.

Октябрь 1943 г.

Апрель 1944 г.

Июнь 1944 г.

Июнь 1945 г.

ГЛЯДИ ВЕСЕЛЕЙ!..

ПЯТНАДЦАТЬ с лишним лет назад произошел на фронте такой разговор:

— Кто у нас завтра уезжает в отпуск?

— Солдат Гуго Кнак из седьмой роты, господин генерал!

— Позвать его сюда!

Лихо прихрамывая на правую ногу, солдат приблизился к высокому начальству и, выпучив глаза, замер.

— Гляди веселей, рядовой Гуго Кнак!

— Слушаюсь, господин генерал!

— Молодец! В вашей роте все такие, как ты?

— Никак нет! Есть раненные и в обе ноги.

— Я не об этом. Какие разговоры ведут солдаты о войне?

— Путают войну с едой.

— Не понимаю.

— Очень просто. О еде говорят: «Побольше бы», а о войне: «Спасибо, сыты по горло».

— Вот как! Гм... Ты это забудь. Вот едешь домой. Будь там, как говорится, бодрым, веселым, пой, гуляй. А что с твоей ногой?

— Ранен при отступлении...

— Дома о своей ране говори весело. Дескать, такой смешной случай был. Гнал за русской дивизией. Выстрелил из винтовки и побежал. Но так стремительно бежал, что догнал свою пулю, и она поцарапала ногу. Вот смеху было!.. Ну, ступай. И гляди веселей!..

Плохо тому, кому дан такой приказ, и еще хуже тому, кто вынужден отдавать такой приказ.

До сих пор трезвонит Бонн: «Гляди веселей!» До сих пор реваншисты подбадривают себя таким манером. А что такое реваншист? Это человек, который, крепко получив по шее, неистово кричит: «Бис!»

Недобитый вояка бывший генерал Гальдер выступил с таким конкретным предложением: «Боннское правительство должно зарегистрировать всех бывших участников похода на Советский Союз».

Это нереально. Всех бывших участников похода на Советский Союз не удастся Аденауэру зарегистрировать, поскольку значительное их число переселилось в мир, находящийся вне досягаемости фашистских регистраторов. Кроме того, генералы бундесвера не учитывают еще одного немаловажного обстоятельства: не все бывшие фронтовики захотят ныне — через пятнадцать лет, — чтоб их имена красовались в боннских списках.

Зачем же все-таки затевается эта регистрация? Генерал разъясняет: «Чтоб в случае надобности они в короткое время могли бы быть призваны».

Короче говоря, — гляди веселей!

Прошло пятнадцать лет со дня великой победы советских войск над гитлеровскими полчищами. За этот срок многие и многие немцы подумали о своей судьбе, об уроках истории. Они убедились, что теперь экономическая и оборонная мощь Советского Союза велика, как никогда, а сплоченность социалистического лагеря нерушима. Но ярые гитлеровцы (ныне переименованные в аденауэровцев) продолжают бряцать оружием. Не с позиций силы, а с позиций дряхлости. Вот совсем недавно федеральный и престарелый канцлер прошамкал: «Враг — это Советский Союз».

Аденауэра и ему подобных пугает растущий престиж Советского Союза, его миролюбивая политика, приведшая к разрядке напряженности в мире, их пугают советские конкретные, конструктивные предложения по германскому вопросу и по вопросу о разоружении.

Они испуганно трясутся. А из-за океана их боссы и покровители командуют:

— Гляди веселей!..

С таким же успехом можно повелеть глупцу:

— Сделай умное лицо!

МОНОЛОГ БЫВШЕГО ВОЯКИ

КАДРЫ ИЗ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ О БОННСКОЙ АГИТАЦИИ

Посвящается боннскому министру Штраусу.

Я в солдатском клубе был —
Речи слушал, пиво пил.
Речи часто прерывались
Песней «Дейчланд юбер аллес!».
Слушал речь я, слушал две —
Зашумело в голове.

Будто, сжав тевтонский меч,
Я держал, как фюрер, речь.

Громче всех орал я тосты:
— За реванш! За драг нах Остен!
Шнапса выпил два бокала
За границы до Байкала,

Хмель прошел. Пуста бутыль.
А в руке не меч — костыль.
Костыли напоминали,
Как нам всем наkostenяли.

Пил за атомный удар,
За Москву, за Краснодар,
За Смоленск, Рязань, Херсон...
И, заснув, увидел сон...

Если двинемся опять, —
Могут вновь наkostenяли!

Резюме наверняка
Мы уместим в две строки:
ПАМЯТЬ БОННА КОРОТКА,
НО И РУКИ КОРОТКИ!

Сценарий и постановка А. КАРАСЕВА и
С. РЕВЗИНА. Оператор — В. Тюкнель.
Художник — Е. Беклешева. Артистка-нук-
ловод — Марта Цифринович.

МИНОМЕТ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

К ПОДЪЕЗДУ выставочного «халле» в западногерманском городе Н. подкатывали похожие на носорогов «мерседесы», горбатые «фольксвагены», стремительные, как антилопы, «капитаны».

Из авто выпрыгивали господа. За ними спешили элегантные секретарши.

В дверях выставки пробка: толпу прибывших процеживал полицейский кордон. Контролировали строго, как на атомном полигоне в пустыне Невада или на мысе Канаверал. Удостоверения сличали с физиономиями, секретарш просили открыть сумочки.

Сверхсекретность выставки возбуждала бизнесменов, словно коктейль с наркотиками.

Но еще больше озадачивали экспонаты. Задрал к потолку шланги, дьбились пылесосы; тут же матово поблескивали холодильники и новые стиральные машины; вздымались перинами двухспальные кровати; сверкали никелем шеренги кастрюль; в центре белела фаянсовая посуда различного назначения.

— Как! И это все? — зашумели лощенные гости.

— Наш эксперт герр Фантайзер,— обратился к гостям директор выставки,— продемонстрирует вам подлинное западногерманское чудо военной техники.

Ропот стих.

Эксперт схватил ночной горшок и потряс им перед физиономиями ошеломленных дельцов.

— Вот этот предмет,— ткнул он пальцем в горшок,— основа нашей новой дипломатической стратегии, как будто бы обыкновенный, я бы сказал, лишенный романтики сосуд. Но вот я нажимаю кнопку — и горшок превращается в эффективное оружие нашего бундесвера. Перед вами противотанковая мина. Прошу убедиться.

— Хох! Хох! Хох! — зааплодировали бизнесмены.

Герр Фантайзер устремился к двухспальной кровати.

— Битте, фрейлейн! — галантно предложил он секретарше директора мебельной фирмы расположиться на роскошном ложе.

— Не правда ли, восхитительно?

— О'кэй!

— Айн, цвай, драй! — отсчитал эксперт и нажал на рычаг.

Распластавшуюся девицу мягко подбросило, и сверкающая хромом кровать превратилась в... грозную раму для запуска реактивных снарядов.

Бизнесмены стояли потрясенные. Кто-то в изнеможении присел на горшок, но тут же в испуге подскочил, вспомнив про его боевые качества.

— Прошу, прошу, господа,— увлекал за собой кавалькаду бизнесменов герр Фантайзер. Под его волшебными пальцами бытовые приборы мгновенно превращались в пушки, минометы и даже танки...

Полно, усомнится читатель, была ли такая выставка?

Еще нет. Но уже сегодня, как сообщает французская газета «Пари-пресс энтранжан», заказчики из боннского министерства обороны являлись инкогнито к директорам фирм, выпускающих холодильники, газовые плиты или фотоаппараты, подписывают контракты, а на бундесверовские склады эти «штатские» фирмы отгружают... минометы, пушки, танки и прочую боевую технику.

Только вряд ли кого-нибудь обманет этот дешевый маскарад! Миномет останется минометом, если даже к его стальному жерлу приклеить этикетку «Агрегат по сдуванию пылинок «Фрау-1».

В. МЕНЬШИКОВ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Официальный Бонн любит разыгрывать «благородное негодование», когда говорят о сходстве его политики с политикой Гитлера.

— Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на него хоть чуть
Была похожа...

КОГДА НЕ ХВАТАЛО ПУГОВИЦ...

СМОЖЕТЕ ли вы представить себе случай, когда человек радуется каждой оторванной пуговице? Ведь перспектива возни с иголкой ни для кого не бывает приятной, а особенно для мужчин. И, тем не менее, в ясный солнечный день 25 апреля 1945 года солдаты нашей Пятой гвардейской армии с веселым смехом показывали друг другу гимнастерки, на которых не оставалось ни одной пуговицы.

В этот памятный день в районе Торгау, на противоположном берегу Эльбы, появились первые солдаты в американской форме и закричали, размахивая пилотками: «Москва! Америка!». Древняя Эльба стала свидетельницей самого веселого форсирования на протяжении всей истории. И вот мы уже вместе. Братство по оружию необычайно обострило наши филологические способности, и слово «Сталинград», произносимое американцем, заменяло ему сложные правила русской грамматики.

Вот именно тогда я и видел самый массивный обмен пуговицами. Они отрывались прямо с гимнастерок, и самые хозяйственные старшины без всякого содержания смотрели на такую бесхозяйственность.

В те дни на Эльбе прозвучала клятва советских и американских солдат крепить дружбу, рожденную в общей борьбе против немецкого фашизма.

И вот прошло десять лет. Американский ветеран Джозеф Половский и девять его товарищей приехали в Советский Союз. Тогда мы решили каждый год отмечать день встречи на Эльбе, чередуя поездки американских ветеранов в СССР и советских в США.

Но, очевидно, кому-то в Соединенных Штатах эта идея пришла не по вкусу. С нас потребовали отпечатки пальцев. В 1958 году требование об отпечатках пальцев было отменено, и мы приехали в США к своим старым друзьям. Встреча была самой теплой, и во время торжественного обеда у Джозефа Половского он, хитро прищурившись, извлек откуда-то сверток.

— Попробуйте догадаться, что в нем! — торжественно сказал Джозеф.

Посыпались различные предположения, но никто не мог точно назвать содержимое свертка.

— Я так и знал, что вы не догадаетесь! — просиял Джозеф. — Это бутылка русской «Столичной», которую я купил в Москве и дал себе слово, что мы разопьем ее только у меня дома...

Мы подняли бокалы, и Джозеф Половский сказал:

— Пусть наша дружба будет вечной!

И вот снова в этом году кому-то в госдепартаменте США не понравилась идея дружбы солдат-ветеранов двух великих народов. Как уже упоминалось в газетах, нам было сообщено, что обмен делегациями ветеранов не предусмотрен соглашением. Но пятнадцать лет назад мы без всякого участия госдепартамента заключили соглашение — всеми силами бороться за мир. И соглашение это было подписано не чернилами, а кровью, пролитой в борьбе против общего врага.

Иван САМЧУК,
полковник запаса, участник встречи на Эльбе.

Бабушка АНИСЬЯ СТЕШИТ В МУЗЕЙ

ПОКИНУВ промтоварный магазин, бабушка Анистья торопливо засеменила к трехэтажному зданию Муромского краеведческого музея...

Какая это на первый взгляд была умильная картинка! Мало того, что муромские колхозники везут с базара Белинского и Гоголя, представители старшего поколения колхозного крестьянства используют поездки в город еще и для знакомства с его культурными ценностями! Право же, приятно!

Впрочем, последуем за бабушкой в музей. Анистья прошмыгнула мимо мрачноватой головы нашего дальнего родича — неандертальца, не взглянула даже на глиняные черепки и позеленевшие стрелы, откопанные в древнем кургане, на третьей скорости миновала чучело дикого кабана и ринулась дальше. Старушка передохнула лишь у входа в комнаты, где хранились произведения искусства и ремесел XVII—XVIII веков. Тут она поправила платок и истово перекрестилась.

В комнатах, куда вошла бабушка, все дышало пыльным церковным благолепием. Множество икон, сверкающих позолотой, алтарные украшения, различная храмовая утварь, огромная серебряная рака «мощей» местных «святых» Петра и Февронии... Ну прямо не музей, а вполне прилично оборудованная часовня!

Бабушка Анистья благоговейно приблизилась к раке, еще раз перекрестилась и чмокнула «святиню».

Своим паломничеством в цитадель краеведения она была явно довольна. Есть тут, как говорится, на что подивиться, что посмотреть.

...Недавно одна из музейных экспозиций пополнилась портретом женщины средних лет, в светлом платье. Кто запечатлен на этом внушительном полотне? Быть может, лучшая председательница колхоза Мария Горчакова? Или знатная муромская работница Тамара Чумакова? Или пользующаяся уважением всех муромцев главный врач городской больницы Бузина? Ничуть не бывало!

Фамилия изображенной на портрете женщины — Романова. Звать ее Елизавета Петровна. Должность и социальное положение — императрица всероссийская.

Портрет августейшей особы отнюдь не является выдающимся произведением живописи. Художественной ценности он не имеет. Повесили его из каких-то загадочных соображений. Может быть, для того, чтобы порадовать бабушку Анистью?

— До чего же представительная дамочка! — умилялась старушка, любясь Елизаветой Петровной. — И платье на ней, небось, чистого капрона. А в перманенте не то спутник, не то корона!

Коронованную особу можно упрекнуть в чем угодно, только не в том, что она узурпировала часть территории, предназначенной для показа истории Муром, его далекого прошлого. Что-то, а уж старина представлена в музее достаточно полно!

Ну а как с современностью? С той самой — животрепещущей и быстротекущей?

Пока отсталая бабушка Анистья изучает царские наряды, подойдет к витрине, где бережно хранятся под стеклом несколько горшков и чутунный горшок. В трепетном молчании останавливаются экскурсанты возле этих исторических реликвий. Сейчас они услышат нечто удивительное...

— До революции наш литейный завод выпускал только гири, — торжественно сообщает экскурсовод. — А в первые же годы

Советской власти он стал выпускать еще и горшки!..

Между прочим, сейчас в городе делают тепловозы, холодильники, радиолы. Но без горшков, видимо, обойтись нельзя, их тоже поместили под стекло.

Экспонатов, попавших в экспозиции неведомо как и неведомо зачем, в музее хоть отбавляй.

К примеру, в залах, посвященных Великой Отечественной войне, прежде всего бросается в глаза вытянувшийся в струнку гитлеровский офицер. Конечно, перед нами лишь полная парадная форма гитлеровца, старательно напяленная на манекен.

В каких же научных целях демонстрируют здесь этот новехонький, с иголочки образец портновского искусства? На это даже директор музея не ответит.

А чем богаты, чем знамениты сегодня муромские колхозы? Как в районе с культурным строительством? Вразумительного ответа музей не дает. Глиняные черепки за-

слонили от музейных работников сегодняшние достижения и успехи муромчан...

Зато уж, подумали мы, в городе Владимире, у областных краеведов, все должно обстоять по-иному! Скорее туда!

Во Владимире произошла неожиданная встреча. И с кем бы вы думали? С той же бабушкой Анистей! Мы увидели ее в Дмитровском соборе, где размещался отдел древней архитектуры местного музея-заповедника. Старушка исправно отбивала поклоны фотографиям капителей и фриз, висящим по стенам. Выяснилось, что бабушка живет на полпути между Муромом и Владимиром и частенько бывает в обоих городах.

— А не пройтись ли нам, бабушка, в исторический отдел? — галантно предложил я старушке.

— Это где зуб подземного слона? — насторожилась бабушка.

— Ну, там, наверно, не только клык мамонта! Есть что-нибудь и поновее...

Но тут в нашу беседу вмешалась сотрудница музея. Она дала такую справку:

— Исторический отдел закрыт ввиду того, что отдел современной истории еще не открыт. Летом откроем. Идет перестройка.

Оказывается, владимирцы даже перецеголяли муромцев по части равнодушия к сегодняшнему дню. До сих пор отдела современности у них и вообще-то не было. Развитие города и края Владимирский музей заканчивал на Октябрьской революции. Ни на шаг дальше музея истории уже не влекла областных краеведов. И только в прошлом году им наконец втолковали, что не одним князем Андреем Боголюбским и древними соборами знаменита владимирская земля...

Желание побывать хотя бы еще в одном из музеев Владимирской области привело нас в автобус, идущий в небольшой промышленный городок Вязники. И вдруг... Ну, конечно, вы догадались: на соседней скамье я опять увидел бабушку Анистью.

— Маврикию Вязниковскому еду поклониться, — доверительно сообщила мне бабушка на правах старой знакомой. — Говорят, там и посох его есть и вериги...

— Где это там?

— Да в музее!

Дорогой мы почти подружились. Анистья Панкратьевна оказалась не такой уж дремучей ретроградкой. В колхозе она давно на пенсии, а ездит по «святым» краеведческим местам не столько из религиозности, сколько в поисках развлечений. Видимо, культмассовая работа на селе имеет еще по линии охвата старушек большие огрехи.

И в Вязниковском музее были все те же мрачные доисторические черепки и позеленевшие стрелы, кости мамонта и чучело ястреба, древний резной ковш и пожелтевшие рукописи. Но все эти экспонаты корректно держались в отведенных им границах и не заслоняли ни вчерашних, ни сегодняшних Вязников. А останки Маврикия? Его посох? Его вериги повседневной носки? В музее их нет. Просто над бабушкой кто-то подшутил.

И все же Анистья Панкратьевна была вознаграждена за свое путешествие. Она увидела, например, отличные оформленные витрины и стенды, посвященные лучшему в районе совхозу «Пролетарий», а в витринах — огурчики местного, вязниковского сорта, которые выращивают в этом совхозе. Ловко раскрашенные муляжи прославленных огурцов выглядели так соблазнительно, что и у меня потекли слюнки.

— До чего ж хороши! — ахала колхозная пенсионерка. — Вот бы в колхоз наш семян привезти! Да где бы достать? У кого спросить?

Конечно, сортовые огурцы — это еще не цифры семилетки и не опыт бригад коммунистического труда, о которых также рассказывают материалы музея. Но с бабушки Анистья хватит пока и огурцов!

Нет, мы не против пожелтевших манускриптов, бронзовых стрел и клыков мамонта. Прошлое есть прошлое, и перед ним следует почтительно снимать шляпы. Но мы против того, чтобы сама деятельность краеведческих музеев покрывалась густым слоем архивной пыли. Мы за то, чтобы в залах этих музеев прочно заняла свое законное место живая и полнокровная история наших дней.

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Муром — Владимир — Вязники.

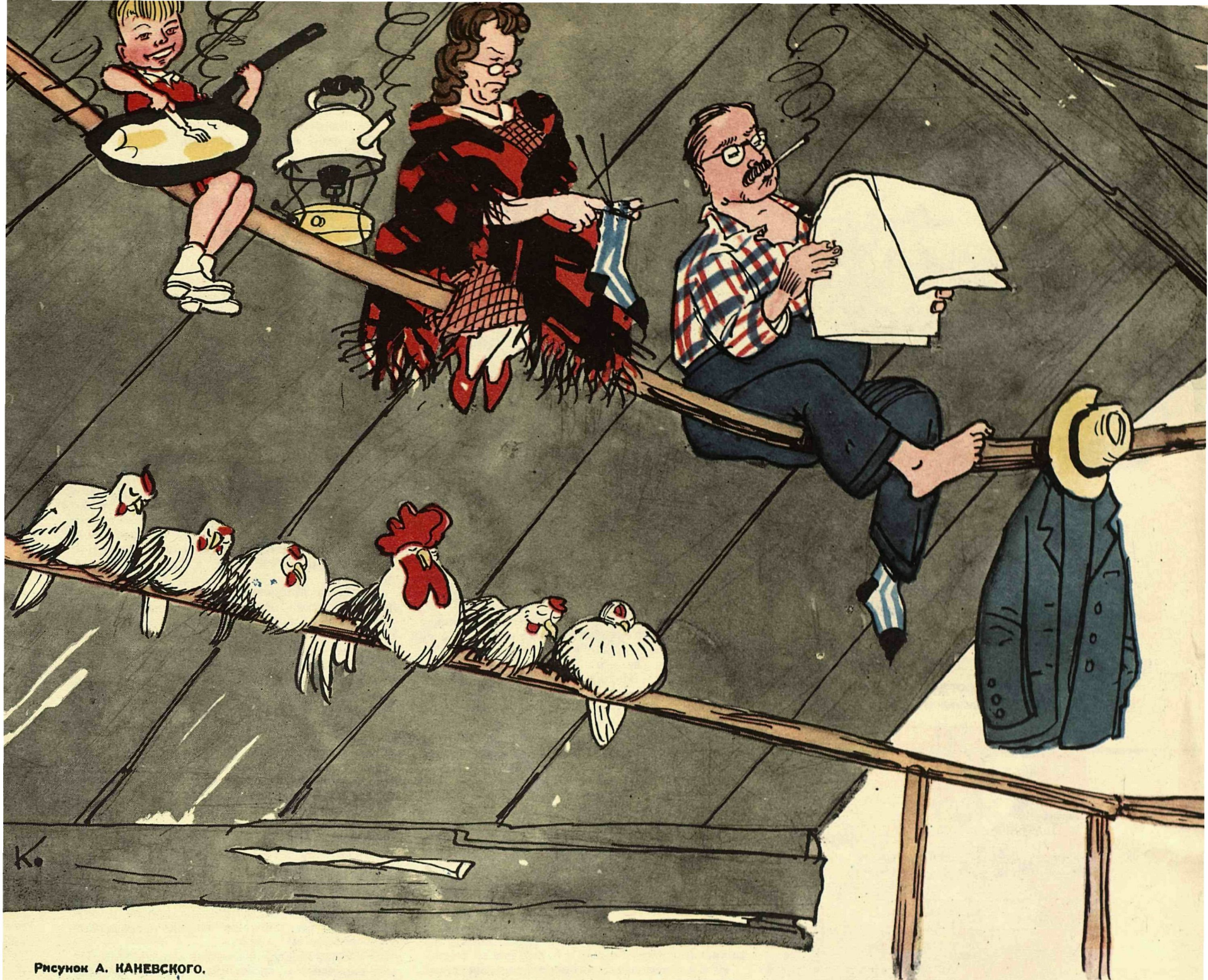

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ПИСЬМО С ДАЧИ

«Устроились хорошо, сняли на лето весь верх».

Р. САРЦЕВИЧ

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

У ремесленницы Нади
Так и светятся глаза.
Говорят о ней в бригаде:
— Не девчонка — стрекоза!

И смеется, и хохочет,
И болтает, и поет...
И сама деталь не точит
И подругам не дает.

А подругам не до шуток.
Тратит эта стрекоза
На работу три минуты,
На баклуши — три часа.

Почему же эта Надя
Не работает сполна?

Потому что на окладе,
Не на сдельщине она.

Стрекоза не без успеха
Стала сборку всю держать,
И решил начальник цеха
Меры строгие принять.

...У станка деталей гряда.
Мы глядим во все глаза.
Что такое! Что за чудо!
Вдруг пропала стрекоза.

Почему же наша Надя
Ныне трудится сполна!
Суть вся в том: не на окладе,
А на сдельщине она.

НЕ ОБМАНЕШЬ — НЕ ПОЛУЧИШЬ

Известны случаи, когда люди обманывают друг друга.

Но приходилось ли вам встретиться с фактом, чтобы кто-либо искал способ, как обмануть самого себя?

Представьте себе, есть такие факты!

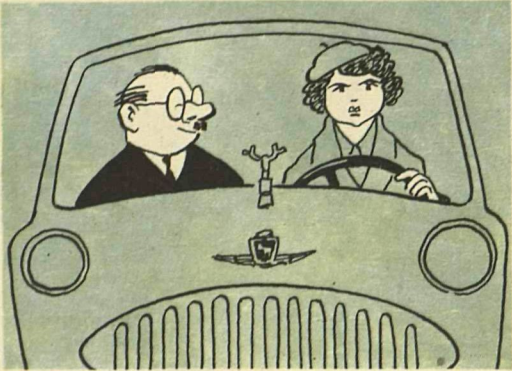
Пермский фанерный комбинат имеет по смете на командировочные расходы 90 тысяч рублей в год. Никто против этого не возражает. Но вот вопрос: как получить эти деньги? Госбанк в соответствии со своими лимитами выдает наличными не более 2—3 тысяч рублей в месяц. Как добыть остальную сумму?

Тут-то работники банка сами на-

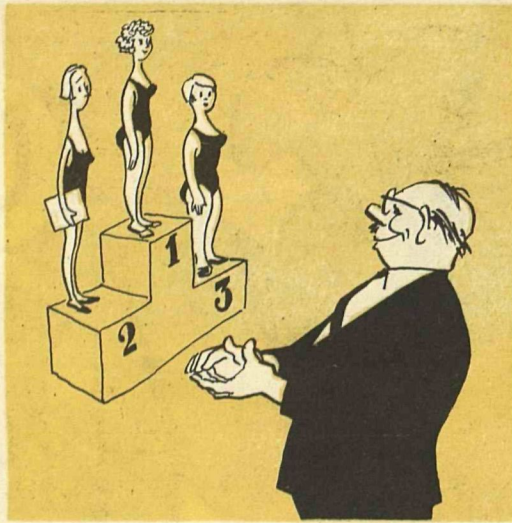
чинают давать вам советы, как бы половчее обмануть их самих. Сначала вам рекомендуют выписать на контору связи поручения на 250 рублей для каждого командировочного. Затем подсказывают, какие суммы выслать почтовыми переводами на квартиры отъезжающим в командировки. Примерно дней через пять командированные получают эти деньги.

И так каждый месяц. Видимо, работники Госбанка испытывают большое удовольствие от того, что обманывают самих себя.

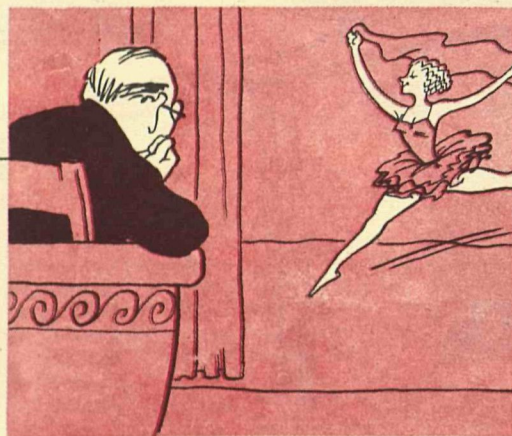
А. ШУРЫГИН,
главный бухгалтер Пермского
фанерного комбината
г. Пермь.

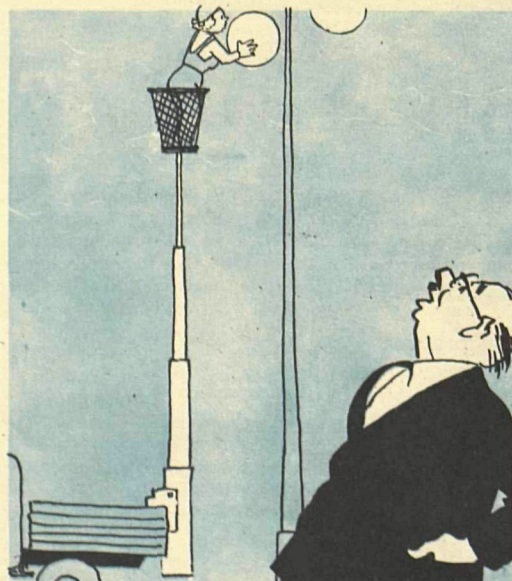
Петр Петрович был не против того, чтобы женщина управляла...

...одобрял, когда женщина поднималась на должную высоту...

...приветствовал женское движение...

...и выдвижение, но...

Порочный круг

Дядя Федя мыл забор,
на котором был «фольклор».
Мыл, ругаясь неприлично...

Слышал Вася все отлично.
И, усвоив весь «набор»,
вновь заполнил им забор.

А. МУРАТОВ

Вот в чем причина

Мужа лучше, чем у Кати,
Не найдешь, хоть век ищи:
Сам себе пиджак погладил,
Сам себе стоговил щи.
Не супруг, а молодчина,
Всем бы быть таким пора!..
Сам все сделал!
Есть причина:
Разошлись они вчера!

И. МАРТЬЯНОВ

ПОЛСОТНИ КОВАРНЫХ ВОПРОСОВ

В ПЯТОМ номере нашего журнала была помещена «Беседа уполномоченного Кромского райкома с самим собой». Прочитали ее в Ветлуге такие же уполномоченные, как и автор беседы Н. Излишников, воспрянули духом и, прихватив журнал, отправились в райисполком. Там произошла примерно такая беседа.

— Правильно прохватили, — одобрительно отозвался о фельетоне председатель райисполкома Геннадий Иванович Соколов. — Перегнули палку они там, в Кромах, вот и прогремели на всю страну...

— А может быть, и нам сделать кое-какие выводы? — робко поинтересовались коллеги Излишникова. — У нас ведь тоже...

— Ничего не то же, — сухо отозвался тов. Соколов. — Ни про меня лично, ни про нашу практику руководства сельским хозяйством в фельетоне не упоминается. Вот ежели бы написали ясно и членораздельно, что, мол, это в Ветлуге, — другое дело. Так что отвертеться от поездки на село вам не удастся. Вы думаете, что руководители колхозов не нуждаются в опеке, а мы думаем наоборот...

Не приняли фельетона на свой счет и руководители Арбажского района, Кировской области. Тем более, что и вопросник у них другой. Плагиатом они не занимаются и к составлению памятки для уполномоченных подошли творчески. Все вопросы (а их ровно полсотни) придумали самостоятельно. Многие из них дают богатую пищу для размышлений. Например:

«8. Кадры доярок, телятниц. Содержание телят, помещения для приема телят, нормы выпойки молока».

«9. Проведенная с ними работа (совещания, семинары)».

Может быть, попутно следовало уточнить проблемы, которые телята должны обсуждать

на совещаниях; разработать методику, как именно необразованным коровьим детям надлежит готовиться к семинарам. Но ведь все предусмотреть невозможно.

Есть в памятке вопросы интимного характера, располагающие к откровенности и покаянию («Сколько разбазарено поросят?»). Есть настолько зашифрованные, что не сразу поддаются уразумению обыкновенного, среднего человека («Наличие ДКУ и как они используются»).

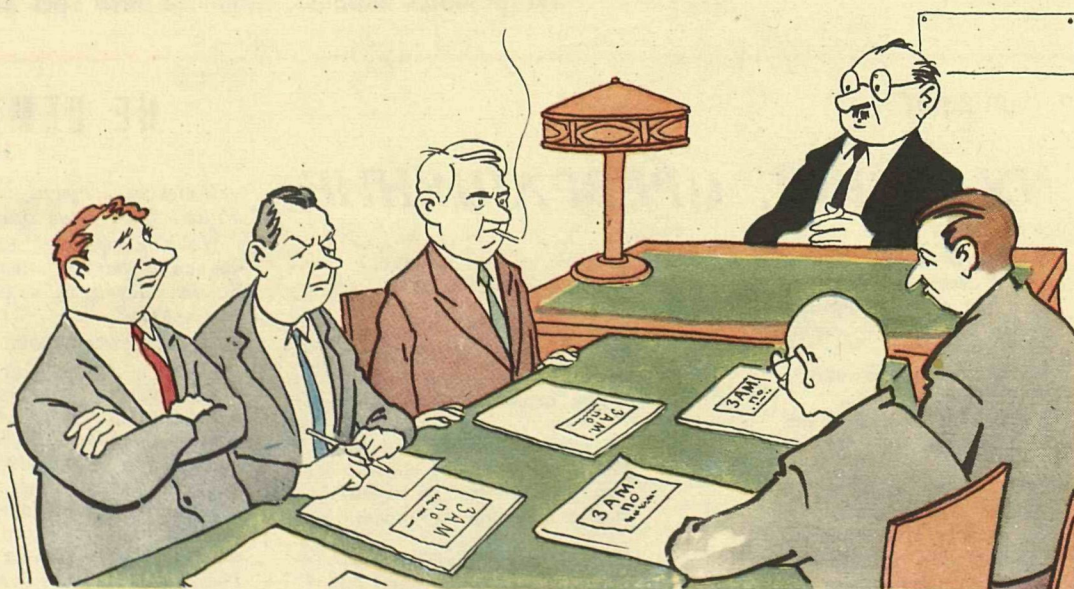
К городу Мариинску, Кемеровской области, фельетон тоже, по-видимому, никакого касательства не имеет. Ведь там говорится о временных уполномоченных, а маринские почти все время на селе. Посевная, потом сенокос, силос, затем уборочная, подготовка к зимовке скота, повышение надоев и снова посевная. Круговорот. Так что нечего людям дергать. Пусть уж сидят в селах безвыездно.

И секретари горкома партии товарищи Поморцев и Шамаев немедленно отрядили на село шестьдесят «толкачей» в помощь своим инструкторам, постоянно прикрепленным к колхозам. Толкачи эти — руководители городских предприятий и учреждений.

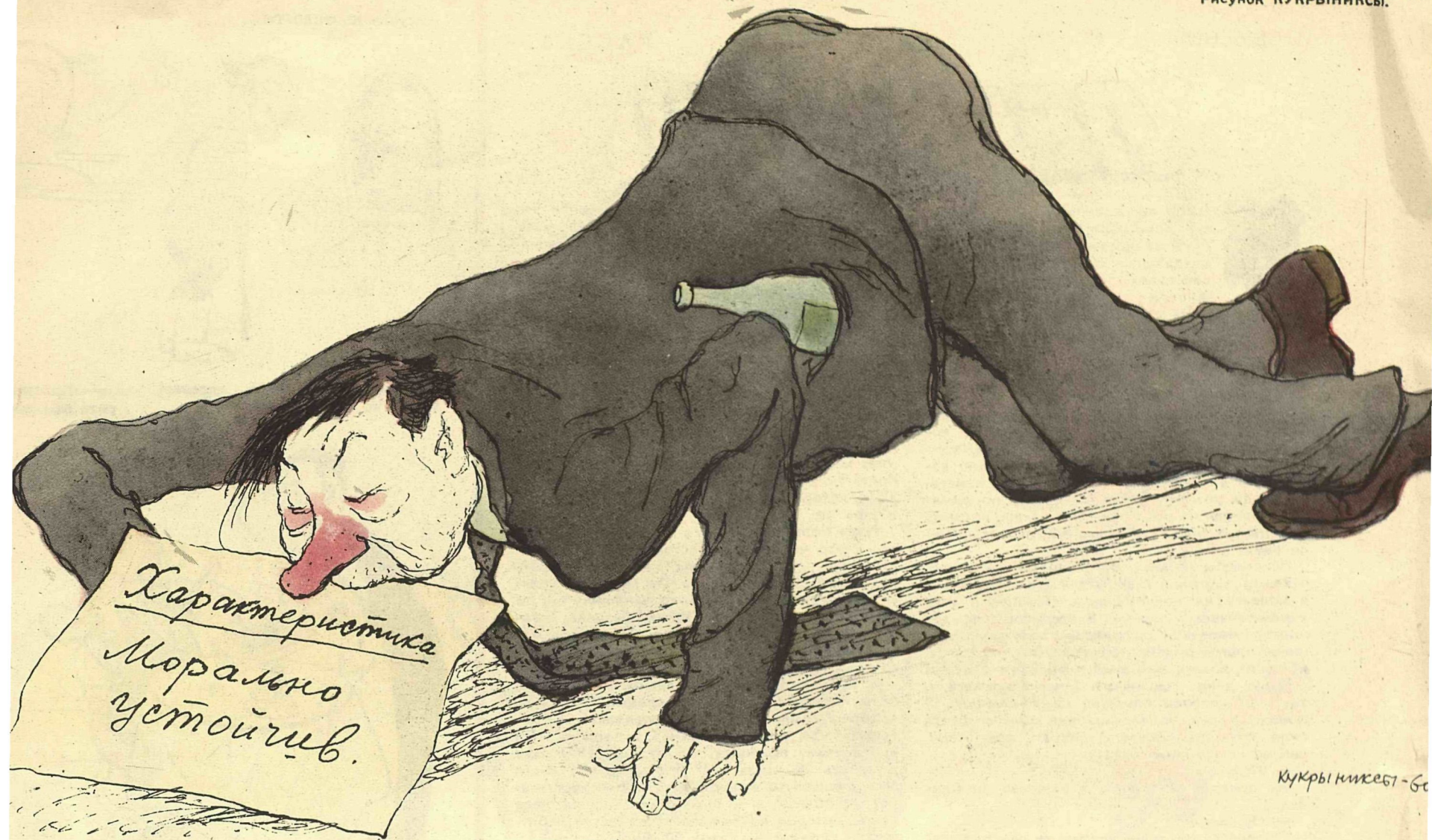
Недавно Крокодил получил из Орловского обкома письмо — отклик на наш фельетон. Секретарь обкома тов. Афанасьев пишет:

«...Критика, данная в адрес районных организаций, признана правильной. Бюро райкома партии обсудило имевшую место практику излишней писанины и наметило меры к улучшению работы аппарата райкома партии и райисполкома по усилению живой организаторской работы на местах».

Получили мы это письмо и задумались. Что оно означает? Судя по ответу, Кромский райком отказывается от «излишней писанины» и, вероятно, от Излишниковых. Ну что ж, благое намерение!

...только не в своем учреждении.

Кукрыниксы-60

Г. БАХТАДЗЕ

Искателем стажа

СОСТАРИЛСЯ дядя Ника. И сказали ему: хватит, отработал свое. Сиди теперь дома, читай газеты или рассказывай внучатам сказки. Короче говоря, иди на пенсию, отдыхай.

— Что вы, разве я могу без дела сидеть? Ведь я еще не умер! — протестовал старик.

Но его не слушали: приказ был написан, подписан и даже скреплен круглой печатью.

Дядя Ника не сдавался. Он решил действовать и в один прекрасный день явился к директору довольно солидного учреждения.

— Друг сердечный, может, у тебя найдется какая-нибудь небольшая работа? Прими меня, не откажи...

Заваленный по горло делами директор поднял голову. Житья ему не было от девчонок и парней, надоедавших просьбами об удобной должности. И вот теперь, неожиданно увидев перед собою старика, директор крайне удивился:

— Ты что, дедушка, тоже в институт захотел поступить? Не поздновато ли?

Дядя Ника оторопел.

— Я,— пробормотал он,— у вас работу прошу, а не института какого-то...

— Вот-вот! Об этом я и говорю. Ты разве не знаешь, для чего они все устраиваются на работу?.. А что ты умеешь делать?

— Мне бы сторожем... — попросил старик.

— Сторожем? Сторожами у меня такие молодцы работают, что... Видел одного у ворот?

Лев, а не парень! А вон и второй... — Директор протянул руку к окну.

— А если дворником?

— Дворником? Взгляни в окно. Видишь девушку в крепдешининовом платье? Она дворник. А парень рядом с ней, в черном однобортном костюме и остроносых туфлях,— ночной сторож.

Ника вытянул шею.

— Эх, мне бы их молодость да силу, разве я стал бы терять время на такие пустяки! Ведь они ничего не делают!

— Не делают? Что ты, старик!.. Сейчас у них перерыв...

Директор распахнул окно и крикнул:

— Гонгадзе, Догондзе, найдите ко мне!

В кабинет, лениво переваливаясь и что-то жуя, вошли девушка и парень.

— В чем дело, дядя Грамитон?

— Во-первых, на работе я вам не дядя, а во-вторых, я вас принял не для того, чтобы вы бездельничали и людям глаза мозолили! Чего это вы так вырядились? А ну-ка, идите сейчас, берите метлу и занимайтесь своим делом, не то, видите, желающих много. Вот, например, этот человек хочет служить. Идите, пока я не уволил вас и не принял его на работу! — повысил голос директор.

— Ищет работу? Вот здорово! Чего же ты смотришь, дядя? Дедушка, вы в самом деле хотите работать? — в один голос закричали девушка и парень.

— Отчего же, детки, если работа не будет очень тяжелой...

— Так, пожалуйста, сторожи вместо меня по ночам!..

— А по утрам подметай двор вместо меня!..

— А знаешь, старик, это идея! Можешь считать, что ты уже принят. Чего ты устался на нас? Не понимаешь? Стаж — нам, деньги — тебе. Можем еще несколько процентов подкинуть из папиного жалованья.

Дядя Ника задумался. Он понял наконец, о чем идет речь. В институт без производственного стажа не принимают, и поэтому они... А впрочем, что до этого Ника! Ему лишь бы не сидеть сложа руки!..

Договорились, и дед приступил к работе. Зураб Гонгадзе сладко спит, укрывшись с головой теплым одеялом. Зураб пирует в обществе друзей. А дядя Ника в это время на посту. Он бодрствует, сторожит учреждение вместо Зураба.

Каждый день с самого утра Нателла Догондзе выбегает из дому — и айда по магазинам!.. А дядя Ника вместо нее, вполголоса напевая какую-то песенку, подметает двор.

Два раза в месяц являются «стажеры», получают зарплату, суют ее в карман дяде Нике, чмокают старика в щеку, и... поминай как звали!

А глава учреждения Грамитон добродушно посмеивается в усы. Он доволен: все устроилось как нельзя лучше.

(Из журнала «Нианги»)

Перевел с грузинского
М. КВЛИВИДЗЕ.

ЛЕЛЮХИН

ШЕЛ по длинному, извилистому коридору областного рыбного треста и на одном повороте невольно задержался. Молодой паренек, навистывая популярный мотив из фильма «Бродяга», отвинчивал стеклянную табличку, прикрепленную к двери. Я успел прочесть надпись на табличке: «Заведующий отделом кадров Е. Н. Лелюхин».

Ба, Лелюхин! Еремей Никифорович! Старый знакомый! Что же стряслось с ним?

Знакомство наше состоялось очень давно. Отчетливо помню душную летнюю ночь, большой город на Волге, учреждение, в которое я был вызван из района на постоянную работу. Пароход пришел в город поздно вечером, и я явился в контору прямо с пристани. Люди, которые знали меня лишь по фамилии, приняли из моих рук чемоданчик, котомку с постелью, повели умыться с дороги и напоили чаем.

Наконец я остался один среди покрытых чехлами пишущих машинок и стал готовиться к ночлегу на единственном стоящем в углу учрежденческом диване. В открытое окно доносился перезвон запоздавших трамваев, шуршание шагов редких прохожих. Вот он, город, предмет долгих мечтаний и больших надежд!

Вдруг дверь машинного бюро открылась, и какой-то человек поманил меня пальцем. Я пошел за ним. Человек провел меня в соседнюю комнату, щелкнул дверной задвижкой, сел за стол и тихо сказал:

— Лелюхин.

Не поняв, в чем дело, я вежливо промолчал.

— Ну, как она?

Свежее впечатление от только что пережитой приятной встречи давало мне все основания считать жизнь прекрасной. И я ответил:

— Хороша!

— Хороша?

Снова мне пришлось вежливо промолчать. Было слышно, как настенные электрические часы отщелкивают минуты. Наконец я заметил своему таинственному собеседнику, что время уже позднее и пора бы отправиться на боковую.

Человек закрыл лежавшую перед ним папку, сунул ее в стол и опять тихо промолвил:

— А что вы предлагаете?

...Наутро, проходя по коридору к умывальнику, я увидел на фанерной двери комнаты, в которой состоялся странный полуночный разговор, размашистую надпись: «Кадры».

Все это помнится отлично. Но какой тогда был год?

Может быть, как раз тот, когда впервые были произнесены слова: «Научная организация работы с кадрами». Эти слова повторялись очень часто, к месту и не к месту, не особенно вдумываясь в их смысл.

Я стал внимательно присматриваться к Лелюхину. В нашей семье всегда преклонялись перед наукой, перед учеными людьми, и вот судьба столкнула меня с одним из них!

Лелюхин был усердным работником: приходил в учреждение раньше всех и уходил позже всех. Чем он занимался?

Вот сидит за столом наш старший зоотехник Ведменский и отчаянно крутит арифмометр. Я знаю, что он уже третий день мучается над кормовым балансом: у него никак не сходятся цифры.

— А что вы предлагаете? — раздается за его спиной.

Ведменский испуганно поворачивается: это Лелюхин. Он давно уже подошел к столу старшего зоотехника и все это время молча наблюдал за его работой.

Столь же незаметно и бесшумно Лелюхин появляется в отделе капитального строительства, у зерновиков, в подгруппе водоснабжения. И сквозь стрекот пишущих машинок, сквозь телефонный перезвон до меня то и дело доносится тихое лелюхинское:

— А что вы предлагаете?

Какой скрытый смысл содержит в себе эта фраза? Лихорадочную работу ищущей мысли? Или жгучее желание постигнуть намерения, поступки и дела людей?

Но вот, закончив обход, Лелюхин скрывается в своей комнате. Щелкает задвижка, через фанерную перегородку ко мне доносятся тяжелые вздохи Лелюхина да негромкое шуршание бумаг.

Может быть, именно в эти минуты и происходила незримая научная работа с кадрами?

Еще в детстве наука представлялась мне неким скоплением туманностей. Такая непроницаемая туманность окутывала и деятельность Лелюхина. «Объективка. Кадровый вопрос. Учет и распределение людей. Работа над собой». Что скрывалось за этими туманными словами, которые часто произносил Лелюхин, выступая на собраниях?

Я все больше склонялся к мысли, что Лелюхин науке человек не посторонний, хотя иногда меня поражала абсолютная девственность его представлений о мире. Он серьезно полагал, что ветры происходят от движения туч по небу, что была на свете такая обезьяна, которая однажды родила первого человека, а меридианы и параллели существуют не только на географических картах, но и в натуре.

И все же научная деятельность Лелюхина была налицо. Он составлял сводки. О составе кадров в семейном разрезе: женатых — 87, холостых — 34, разведенных — 3, вдовец — 1. По возрастному принципу: до октября 1917 года родилось 78, после — 47. Или сводку в чисто географическом аспекте, из которой явствовало, что РСФСР, в ее нынешних границах, дала нашей системе наибольшее количество работников, Украина — целых 50, Белоруссия — 15, а Молдавия, Туркмения и Литва — ни одного.

Найти практическое применение этим сводкам было совершенно невозможно, но Лелюхин ими очень гордился. Он аккуратно размножал их — рассылал по инстанциям, а копии подшивал в свои бесчисленные папки.

Анкета была его страстью. Как азартный игрок даже наедине непрерывно манипулирует колодой карт, так и Лелюхин мог целыми днями переключать анкеты так и этак, добиваясь соединением содержащихся в них данных самых неожиданных комбинаций...

И странное дело: хотя в служебные обязанности Лелюхина входила работа с людьми, в нем самом все человеческое умирало. Умирало медленно, но верно.

Однажды во время отпуска Лелюхин оказался на курорте, и здесь в него влюбилась некая дама. Найдя его как-то вечером на пустынном пляже, она заявила напрямик:

— Лелюхин, милый, будь моим!

И услышала невзмутимый ответ:

— А что вы предлагаете?

Над Лелюхиным стали все чаще посмеиваться, добродушно похлопывать по плечу. И вдруг все изменилось. Лелюхин стал персоной номер один. Оказалось, что он обладает чудовищной бдительностью.

Теперь дверь лелюхинской комнаты вообще открывалась очень редко. Он сидел с утра до ночи и строчил какие-то бумажки. Одна из них случайно попала мне в руки. Вот она:

«Правлению артели грузчиков «Восход», гор. Одесса.

По нашим сведениям, Ведменский Василий Трифонович в весенний сезон 1925 года состоял в должности грузчика в/артели. Прошу сообщить, располагаете ли вы какими-либо компрометирующими материалами, относящимися к данному периоду деятельности В. Т. Ведменского.

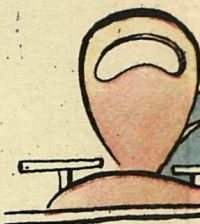
Лелюхин».

Оживленная переписка с самыми различными городами страны не проходила бесследно. Где-то оказывались родственные Лелюхину души, они откликались. На языке Лелюхина это называлось «получить сигнал». Он забрасывал ими общественные организации нашего учреждения. Личность Лелюхина росла, как на дрож-

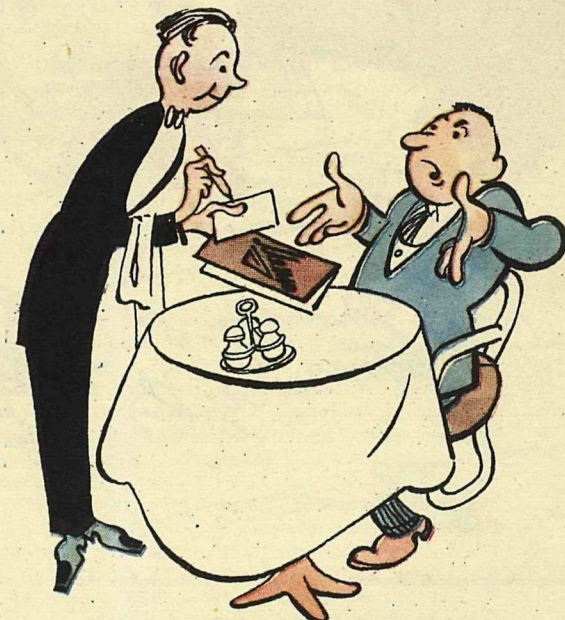
Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

— Какие там еще справки! Я вам на слово верю!

— Простите, я сила вам десять

— Что же это такое! Не успел я сесть за стол, как вы уже сразу меню предлагаете!

жах. В высших городских сферах о нем стали говорить так:

— Острый работник.

...Прошли годы. Я уже не встречался с Лелюхиным, но слышал о нем. После нашего сугубо аграрного учреждения он успел побывать и в промкооперации, и на транспорте, и в торговой системе. Он сталкивался с самыми различными людьми: одни великолепно изучили кустарные промыслы, другие были знатоками железнодорожного дела, третьи — торговли. Но Лелюхин всюду оставался самим собой — специалистом по составлению характеристик, докой по части различного рода листов учета, поэтом анкетных данных. Всюду люди совершенствовались в своей области, росли, как говорят, а Лелюхин все ходил и ходил по одному давно очерченному кругу.

...И вот опять Лелюхин. Но что же стряслось с ним?

Я поспешил в кабинет только что назначенного управляющего трестом и услышал здесь такой разговор:

— Как это вы, Лелюхин, умудрились рекомендовать на плановый отдел Петрова?

— Так ведь у него колоссальный опыт, кандидат наук...

— Но каких наук, разрешите уточнить? Юридических! И потом, он до нашего треста провалился уже в десятки мест.

— Мы растим и молодые кадры...

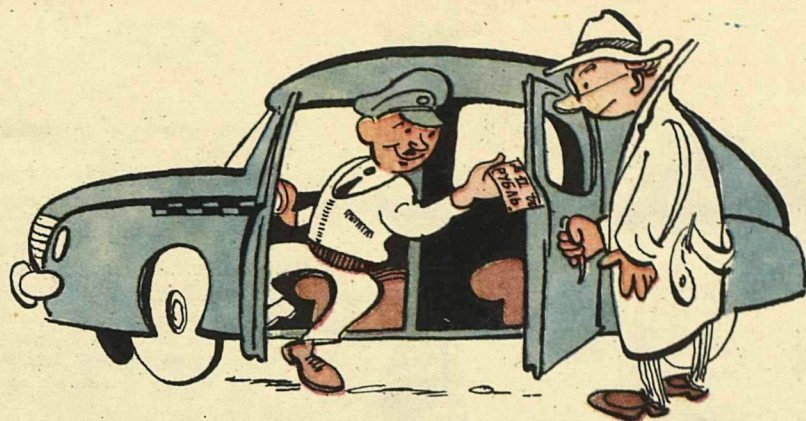
— Это Розу-то? Да ведь она судачка только и видела что в томате! А вы ее прямо из института — в трест, на добычу! Чем вы руководствуетесь, когда знакомитесь с людьми?

— Научными соображениями... — пролепетал Лелюхин.

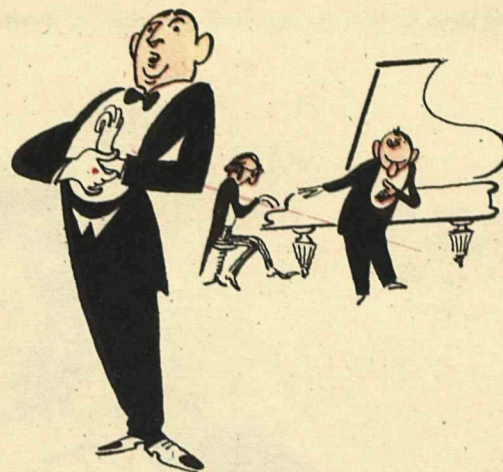
— Научными... А вы знаете, что есть такая

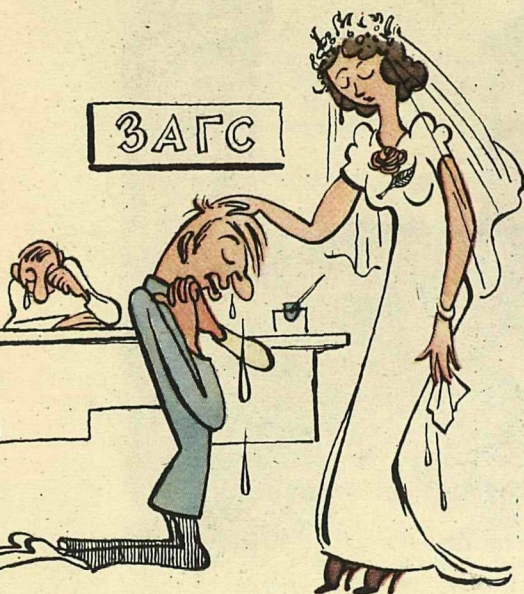
— Кажется, нечаянно недограммов!

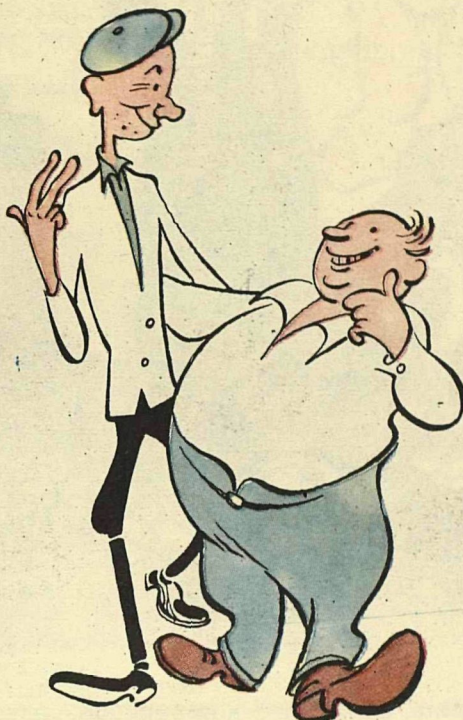
— Вы мне, гражданин, по ошибке, кажется, лишнее дали!

— Сегодня артист эстрады N. N. выступает в совершенно новом репертуаре!

— Дорогая моя, единственная! Не стану скрывать: у меня две жены в Краснодаре проивают!

— Заходи вечерком! Кефирчику граммов по двести хватим!

Крокодил сделал строгое внушение художнику, грубо искажившему отдельные факты нашей действительности, что свидетельствует об отрыве от жизни некоторых мастеров кисти.

наука — медицина? Ведь это вы подсунили нам инспектора Васильева? Он же эпилептик! А у нас промысел, водная стихия. Как вы считаете: надо здоровьем человека интересоваться, прежде чем предлагать ему работу?

Лелюхин молчал.

Да и чего было ждать от него? Конечно, Лелюхин мог бы поехать в учреждение, где работал раньше Петров, и спросить его бывших сослуживцев:

— Что за работник Петров, какой это человек?

Они бы сказали... Но разве мог Лелюхин принимать в расчет их слова? Ведь всю жизнь он опирался только на характеристики, заверенные подписями и печатями. Иных критериев и оценок Лелюхин не признавал.

— И вообще кто вы такой, что вы знаете? — продолжал управляющий. — Скажите мне: в каком месяце нерестится налим, что такое сорная рыба, как приготавливается паюсная икра?

Лелюхин продолжал молчать. Потом робко произнес:

— Кадровые вопросы...

— Да, да, вот я и хотел узнать, что это за вопросы, — подхватил управляющий. — Отдел кадров... Вы вдумывались ли когда-нибудь в эти слова? Не звучат ли они, как отделение кадров от живой работы, от того непосредственного дела, которым они заняты? Не кажется ли вам, что руководитель учреждения должен сам находить работников, потому что только он один знает, какие именно люди ему нужны? Да и потом, скажите, кто лучше и вернее всего может судить о работнике: те, кто окружает его и трудится вместе с ним, или вы, бумажная, анкетная душа?

Лелюхин безмолвствовал и тяжело пересту-

пал с ноги на ногу. Наконец с трудом выдавил из себя:

— А что вы предлагаете?

— Закройте вашу контору за полной ненадобностью. Сегодня же и закрывайте ее. Тоню, вашу помощницу, оставим, пусть она документацию всякую ведет, смотрит, кому в отпуск надо идти, кому пора на пенсию. А принимать и перемещать людей буду я сам. И чтобы ошибок не было, буду чаще советоваться с людьми. Думаю, справимся без вас, в тресте не тысячи работников, полсотни и то не наберется.

Покидая трест, я в душе порадовался за нового управляющего. Правильное принято им решение: ведь и за работу и за людей, которые ее ведут, отвечает именно он, руководитель учреждения, а не кто-то другой.

Участь Лелюхина почему-то не опечалила меня. Работу он себе найдет, думалось мне. Ведь научился же он чему-нибудь за все это время! А уж со своей «кадровой» специальностью теперь ему придется расстаться навсегда.

Но вот на днях я опять встретил того самого паренька. Весело насвистывая знакомый мотив из «Бродяги», он деловито привинчивал стеклянную дощечку к двери. Какое это было учреждение? Нет, не рыбный трест. Что-то мудреное, представляющее сложную комбинацию малопонятных слов: «Снаб, обл, сбыт, топ...»

Собственно говоря, может быть, и паренек был другой, хотя так же, как и тот, из рыбного треста, увлекался искусством Раджа Капура. А вот табличка, безусловно, была та же:

«Заведующий отделом кадров
Е. Н. Лелюхин».

Значит, не перевелись еще поклонники лелюхинского таланта!..

А вы слышали, как рояль украли?

Снег сошел.
Весна в разгаре.
Душно в доме городском.
Две старушки на бульваре
Повстречались вечерком.
— Вы про новости слышали?
Не слышали!
Очень жаль!
В центре города украли
Через форточку рояль.
— Да не может быть!
— Ей-богу!
— Через форточку!
— Ну да!
Ну, а вы чего в тревоге!
И торопитесь куда!
— Как куда!
К своей кухне.
Пусть беспечная не спит.
У нее ведь пианино
Возле форточки стоит..
И старуха
Что есть духу
Тут же бросилась бежать...

* * *

Перед тем как верить слуху,
Надо же соображать!

Яков БЫЛАНИН

Чтобы выиграть, нужно пойти королевой.

Алсак читает лекцию,
Он зал берет в штучки.
Какая тема лекции!
«Не пейте араки!»

Таймураз ТЕТЦОЕВ

«Давай еще!» (ну, будь здоров!).
И я еще давал.

Алсак закончил лекцию,
Подходит он к ларьку,
На то, что заработано,
Берет он араку.

А после прямо на руки,
Мой скромный труд ценя,
Подняли вдруг (ну, будь здоров!)
И вынесли меня...

алсак и арака

С бутылками подмышкою
Заходит он в буфет,
А там сидит за ужином
Приятель мой, поэт.

Итак, одну минуточку...
Возьму я холодца
И расскажу (ну, будь здоров!)
Сюжетик до конца.

О том, как жизнь ломается,
Как рушится семья
У тех, кто пьет (ну, будь здоров!),
Рассказываю я.

Ну, как сюжетик! Нравится!..
Постой... Ты к-кто такой!
И снова наливает он
Дрожащею рукой.

— Простите, здесь не занято!
Мечтаю много лет
Я с вами познакомиться,
Милейший мой поэт!

Заполнен зал. Желающих
Намного больше мест.
Со сцены я (ну, будь здоров!),
Как барс, гляжу окрест.

В пьянчужек шутку острою
Вонзаю, будто нож!
Послушал бы (ну, будь здоров!) —
Животик надорвешь!

— Еще по с-самой маленькой...
К-куда ты!.. В-ваш б-билет...
Но был, видать, невежливым
Приятель мой, поэт.

Читал я ваши сборники,
Давал читать жене,
Но все хотелось с автором
Побыть наедине.

Я начал. Люди слушают,
Дыханье затая.
О страшном зле (ну, будь здоров!)
Рассказываю я.

...Я доказал примерами,
Что алкоголь — наш враг.
И зал кричит (ну, будь здоров!):
«Еще давай, Алсак!»

...А вскоре, как положено,
Узрел поэт финал:
Вели под ручки лектора,
Тот жалобно стонал.

Вы, верно, темы ищете,
А тем все нет и нет!
Могу отдать задаром вам
Нетронутый сюжет.

Всех пьяниц поддеваю я
На острие копья,
Их в пух и в прах (ну, будь
здоров!)
Разделяваю я.

Закончил я. Овация
Растет, как буйный вал:

Стонал, брыкался, плакал он —
Пугались ишаки —
И все кричал: — Голубчики,
Не пейте араки!
Перевел с осетинского
Юрий ХАЗАНОВ.

МОЛОДОЙ автор принес в театр свою первую пьесу.

Новатор Миша любит Машу, но сначала делает предложение бризу. Бриз предложение принимает и внедряет. Миша получает премию. Но в этот счастливый общественный момент у него происходит конфликт на личном фронте: ничем не выдающийся токарь Витя, не сделав предварительно предложения бризу, сделал сразу предложение Маше. И она его приняла. Витя целует Машу, несчастный Миша одиноко стоит на сцене, держа в руках премию. Занавес.

В театре автора встретили приветливо, но, прочитав пьесу, сделали такие физиономии, словно съели по три лимона без сахара.

— Видите ли,—сказал худрук,— это для нас слишком...

— Не подходит? — упавшим голосом спросил автор.

— Нет, подходит, но надо бы все перевернуть. Чтобы все было наоборот. Обострите конфликты. Помните, у нас шли пьесы «Любовь на рассвете», «Разочарование на закате», «Одинокая женщина»? Вот и сделайте в таком плане...

Автор вздохнул, но переделал. Теперь пьеса выглядела так.

Новатор Миша делает два предложения: одно — Маше, другое — бризу. Маша предложение принимает, бриз отклоняет. Назревает конфликт. Миша вступает в борьбу с бризом. Бриз сопротивляется, Маша поддерживает Мишу твердым взглядом и нежным словом. Наконец бриз предстает в самом неприглядном виде, во всей наготе своего бюрократизма. Порок наказан. Маша целует Мишу. Свадьба. Друзья поздравляют новатора. Сюда же приходит и перестроенный, перерожденный и перекованный бриз. Финал. Общее движение вперед. Друзья подбрасывают Мишу к потолку и там оставляют. Победный марш.

— Конечно, это уже лучше,—сказал директор,— но почему Миша не зазнался? Ведь во всех прошлых пьесах такие типы зазнавались!

— Хорошо,—вздохнул автор.— Тогда так: Мишу подбрасывают к потолку, и он тут же зазнается. Все довольны. Общее торжество. Занавес.

— Позвольте! — возразил помреж.— Он должен зазнаться, а потом перестроиться. Помните, как в тех пьесах? Иначе чем же будет оправдано общее торжество?

— Но ведь перестраивался уже бриз! — сказал измученный автор.

— Ну и что же? В последней нашей пьесе были пять перерождений, семь перестроек и четыре перековки. Не робейте! Каши маслом не испортишь!

— Ну, хорошо,—с отчаянием сказал автор.— Тогда так: новатора подбрасывают к потолку, по дороге он зазнается, но на обратном пути вниз перестраивается и целует Машу. Бриз растроган. Друзья рыдают от счастья. Победный марш. Общее движение вперед!

— Прекрасно! — сказал директор.— Основа здесь есть. Теперь вам остается только заставить перековаться и перестроиться с полдюжины гостей на свадьбе. У вас уже есть опыт, и я не сомневаюсь в успехе.

— Да,—сказал автор каким-то потусторонним тоном,— опыт у меня уже есть.

Н. ГУКАСЬЯН

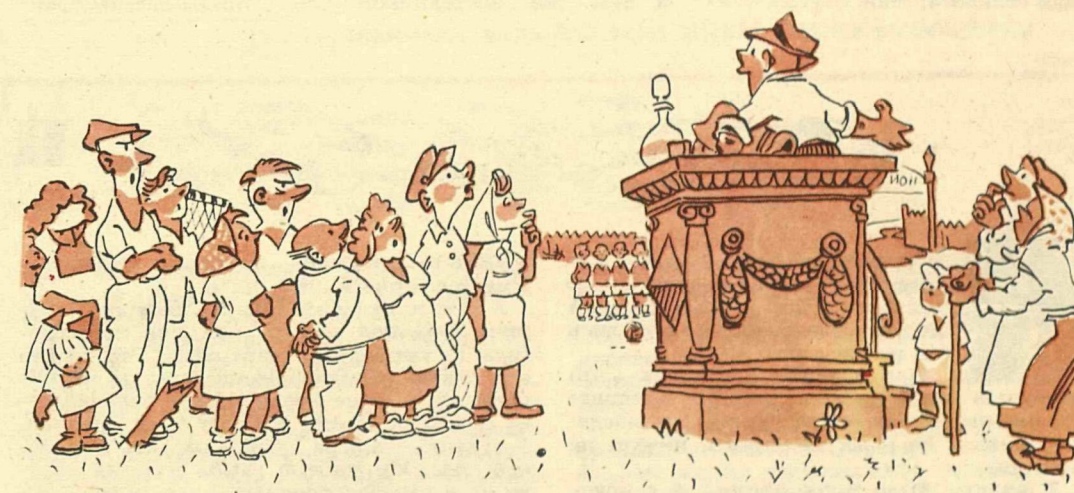
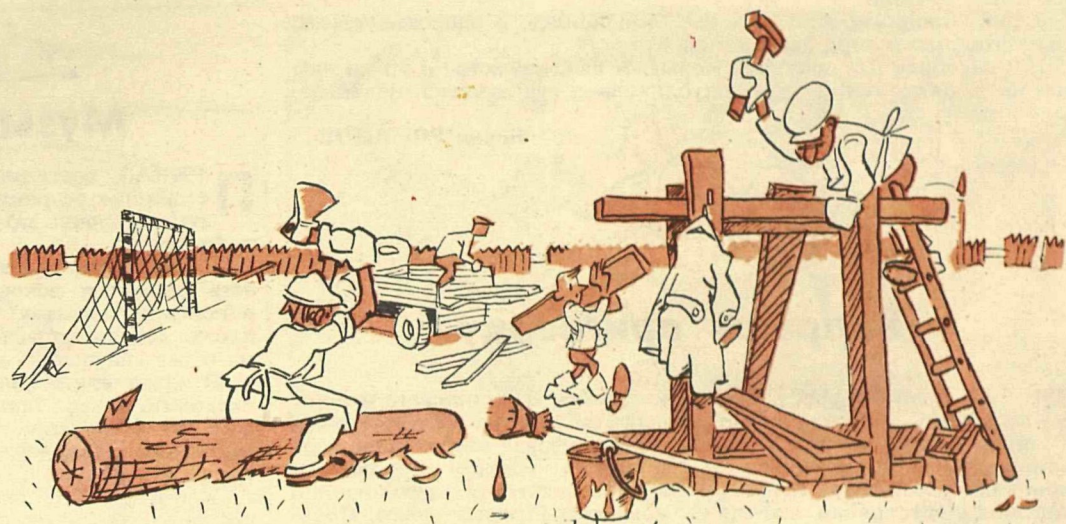
Недобрая надежда

Он в суд явился руки в брюки
И думал, глядя по углам:
«Эх, взяли б только на поруки,
А уж на шею сяду сам!»

Мих. РАСКАТОВ, Бор. РОЩИН

— Смотрите, чтобы к открытию спортивного сезона все было готово!..

— Товарищи, разрешите спортивный сезон считать открытым!

СЛОВО ПОСТРАДАВШЕЙ

В О ВСЕМ случившемся я виню одну себя. Да, мне захотелось жареной баранины, и я уговорила мужа пойти вместе на один из тбилисских базаров. Да, это ко мне в сумку залез воришка, которого муж мой тут же изловил и доставил в отделение милиции.

— Благодарим, гражданин. Задержав правонарушителя, вы выполнили свой долг перед обществом,— прочувствованно жали мужнину руку тбилисские блюстители порядка.

Через два дня мы уехали из Тбилиси домой, в Курскую область. А спустя некоторое время на наше имя поступили одна за другой три повестки с требованием немедленно явиться в нарсад

Орджоникидзевского района г. Тбилиси в качестве свидетелей. В конце каждой бумажки угрожающе добавлялось: «В том случае, если вы не явитесь, то вы будете доставлены в нар. суд в принудительном порядке».

Что нам делать? Ехать в Тбилиси? Но у нас для этого нет ни желания, ни времени, ни лишних денег. Не ехать? Тоже нельзя. Соседи и так уж на нас косятся и шушукуются между собой: мол, видно, хороши пташки.

В. ЖУК

Коньшевский район,
Курской области.

КОНКУРС НА САМЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

СЛОН И АВОСЬКА

Я АРТИСТ цирка. В прошлом году работал в Ташкенте в одной программе с Юрием Дуровым.

Как-то ко мне за кулисы пришла жена. Встретила знакомую артистку, сели они потолковать, а сумку-«авоську» жена положила подле себя.

Вдруг кто-то потянул сумку. Жена моя, не оборачиваясь, строго сказала: «Не трогайте!» А когда она поглядела на похитителя, то обнаружила, что сумку отправляет себе в пасть слон...

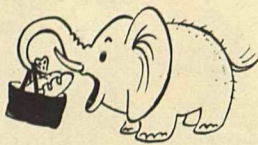
Ну да, слон из группы Ю. В. Дурова решил полакомиться находившимися в «авоське» пятью булками, кожаной сумочкой и паспортами моим и жены, а также нашим брачным свидетельством. Все сразу исчезло!

Юрий Владимирович больше беспокоился о здоровье слона, а нас огорчила потеря документов.

Ну, паспорта мы получили новые. А свидетельство о браке нам еще не выдали. Когда будет опубликована эта заметка, наверное, получим.

Борис РОМАНОВ

г. Кемерово.

Вопреки приговору

НЕ ТАК давно у ворот Смоленского мясокомбината опоросилась свинья. Вызванные на место происшествия работники комбината Иванов и Данилкин установили, что случилось это при следующих обстоятельствах.

Свинья Машка, принадлежащая сельхозартели «Путь к ком-

мунизму», Краснинского района, была доставлена на мясокомбинат в грузовой автомашине зоотехником колхоза Сорокиным и председателем ревизионной комиссии Романенковым. Представители колхоза имели на руках акт, подписанный председателем артели Алексеевым и тем же зоотехником Со-

рокиным, из которого явствовало, что Машка «не пригодна для дальнейшего воспроизводства», а посему подлежит убиению и использованию на мясо. Кроме акта, они предъявили ветеринарное свидетельство № 81, выданное врачом Краснинской ветлечебницы Новиковым и еще раз удостоверяющее, что свинья по кличке Машка «не годна к расплоду».

На комбинате Машке почувствовали и потребовали дополнительного обследования ее ветврачами областного управления сельского хозяйства. Зоотехник и председатель ревизионной комиссии колхоза оставили непоенную и некормленную свинью у ворот комбината и отправились в областные инстанции. Через двое суток они возвратились и, торжествуя, предъявили документ, подтвер-

ждающий первые два. Но к тому времени в кузове грузовика, кроме Машки, находились еще десять новорожденных поросят.

Изучив обстоятельства дела, работники комбината Иванов и Данилкин встали в тупик. С одной стороны, имелись неопровержимые документы, что свинюшка бесплодна, с другой — десяток принесенных ею поросят.

Как быть? И, не придумав ничего другого, они составили четвертый документ, которым удостоверяли, что «не годная к расплоду» свинюшка опоросилась.

Так Машка подложила районным и областным ветэскулапам свинью. И даже не одну.

Г. ФЕДОРОВ

г. Смоленск.

Музыкальная история

ПРИКАЗ, поступивший по световой сигнализации на корабли, стоявшие на рейде, был несколько необычным. В нем предлагалось срочно прибыть в клуб части всем мичманам... с балалайками.

На кораблях произошло небольшое замешательство. Но приказ есть приказ, и вскоре наши мичманы уже бегали по кубрикам в поисках балалаек. Успех сопутствовал не всем. Кое-кому пришлось довольствоваться мандолинами и гитарами. Их захватили на берег «на всякий случай».

В назначенное время мичманы с балалайками, мандолинами и гитарами, чеканя шаг, подходили к клубу. И только тогда выяснилось, что произошла ошибка: в клуб надо было срочно прибыть не мичманам с балалайками, а... мичману Балалайкину. Сигнальщик, передавая приказ на корабли, малость напутал.

У этой музыкальной истории есть и продолжение. Из мичманов с балалайками скомплектовали сводный струнный оркестр. И, надо сказать, неплохой. Не верите? Приезжайте, послушайте.

Юрий ТУШКИН,
матрос

Тихоокеанский флот.

НЕУЛОВИМЫЕ

ЧЕГО скрывать, порой очень хочется помечтать о судаках! О тех самых, которые на Верхней Волге когда-то славно ловились на живца.

Верхневолжский судак — это не то что какой-нибудь другой судачишка! Положишь его на сковородку — ни масла, ни помазка не надо: жарится и ничуть не приторает.

Ловились, было такое время... А с некоторых пор не ловятся, хоть белой реви. Днюешь и ночуешь на берегу, а домой идешь без единого судака.

Уж на что терпелив бухгалтер Сергей Семеныч Рыжиков, а и он на рыбалке пал духом. Сидит на прибрежном камне, тоскует. И вдруг голос:

— О чем задумался, добрый молодец?

Оглянулся — бородачатый прохожий. Пришлось поведать свое горе.

— А той ли ты стезжкой-дорожкой на рыбалку ходишь? — спросил прохожий.

— И раньше этой тропкой хаживал, — ответил Сергей Семеныч. — Прямо-прямо бережком — и вот сюда. Место так и называется — Судачий омут.

— Нет, мил-человек, — возразил бородач, — отныне твоя дорога другая: не прямо-прямо бережком, а с поворотом-заворотом.

— С каким таким поворотом?

— Нынешняя дорога на рыбалку — через кабинет Ивана Алексеевича Лукьянова.

«Вот-те загадка! — подумал рыболов. — Смеется старик, что ли?»

А секрет оказался проще простого. Товарищ Лукьянов не кто иной, как председатель Калининского совнархоза. Это не без его ведома верхневолжские заводы и фабрики все жидкие отходы своего производства спускают прямо в Волгу и ее притоки. А судаки — они не дураки плавать в воюющей воде. Им чистую глыбь подавай. Взяли да и перебазировались куда-то всем судачьим сословием.

— Атакуй Лукьянова! — посоветовал бородач. — Другого выхода нет!

Попросился рыболов на прием к Ивану Алексеевичу.

Принял его Иван Алексеевич и усадил в кожаное кресло.

— Почему, — робко спросил Сергей Семеныч, — в Волге и ее притоках судаки переместились?

Иван Алексеевич глянул исподлобья и насмешливо-удивленно сказал:

— А разве она на заводских территориях?

— Кто? — не понял рыболов.

— Да Волга с притоками.

Хозяин кабинета кивнул в окно.

— Территории заводов и фабрик огорожены честь по чести. Никакой Волги там нет. А значит, за нее директор предприятия не может быть в ответе.

— Река-то общенародная, — заметил рыболов.

Председатель пожал плечами.

— Заводы и фабрики никакими судаками не ведают. Могу показать промфинплан — там про них ни слова. Если найдете беспорядки на заводских территориях, головой отвечаю. А то, что за воротами, извините, мне неподвластно. До свидания! Привет судакам!

Вышел любитель-рыболов из лукьяновского кабинета и скрепя сердце поплелся на рыбалку.

Сидит на прибрежном камне, тоскует.

И вдруг опять голос:

— Что закручинился, добрый молодец?

Оглянулся рыболов — все тот же бородачатый старик.

— Был, — спрашивает, — у Лукьянова?

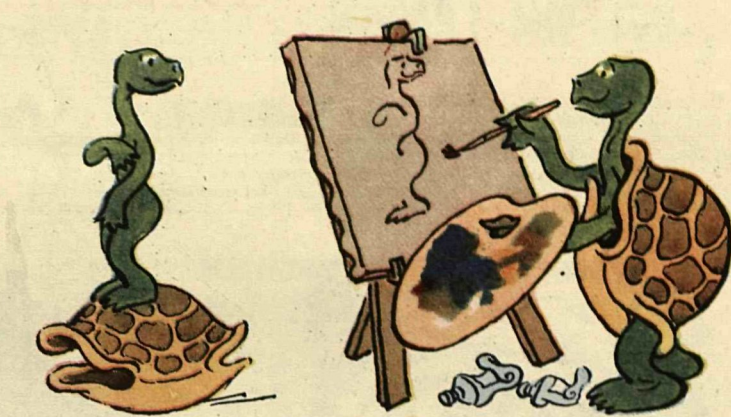
— Был, — ответил рыболов. И поведал про все.

— Что ж, ничего удивительного, — рассудил бородач. — Иван Алексеевич — особого склада деятель. Узковедомственного.

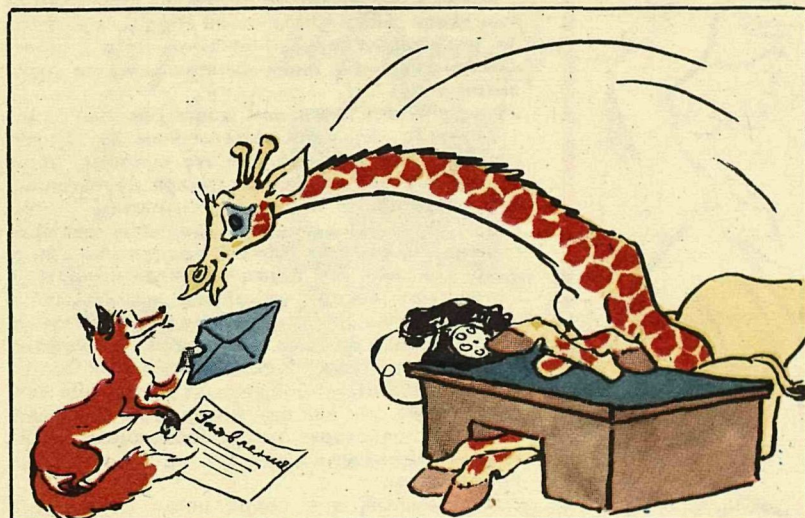
И рассказал старик все, что знал. Свое ведомство Лукьянов любит пуще всего на свете. Но только свое ведомство. Упаси бог, увидит, что где-нибудь на территории завода валяется шестерня, — шуму не оберешься. Несколько дней подряд будет страстно говорить про недооценку металлолома, который ждут мартенны. Но будь за воротами не шестерня, а целая железная гора, — проществует мимо в самом чинном спокойствии.

— Между прочим, у меня к вам записка...

Обнаженная натура.

... от слона.

— Мамочка, ведь это твои внуки! Садись высидывать!

СУДАКИ

— Ну, а как же все-таки насчет судаков? — вернул Сергей Семеныч старика к теме разговора.

Ответ был прежний:

— Дорога на рыбалку проходит через кабинет Ивана Алексеевича. Мне, лаборанту треста «Водоканал», это уж досконально известно.

— Ничего не понимаю! — признался Сергей Семеныч.

— Весь секрет вот в этой бумажке, — таинственно заметил лаборант и подал рыболову листок, озаглавленный «Анализ сточных вод в городе Калинин».

Через два часа наш рыболов снова был в кабинете товарища Лукьянова. Тот встретил его неприветливо:

— Опять вы со своими судаками?

— Нет, нет, как раз без судаков.

— А с чем же?

— С предложением. С рационализаторским!

— А это самое рацпредложение приемлемо на предприятиях совнархоза?

— А как же!

Разговор оживился.

— Годовая экономия? — нетерпеливо спросил председатель.

— Гигантская! — заверил Рыжиков. — Наш совнархоз может иметь много дефицитных вещей. Позвольте разъяснить. Предприятия терпят колоссальные убытки: вместе с отбросами с территорий

заводов и фабрик ежедневно ушльвуют тонны драгоценных веществ. Вот полюбуйте: точные анализы сточных вод.

Глянул Иван Алексеевич и обомлел: не расчеты — обвинительный акт.

Комбинат искусственного волокна погнит Волгу сероуглеродом, хлопчатобумажный комбинат — крахмалом, полиграфкомбинат — бензином и красителями, вагоностроительный завод — мазутом и нефтью. Изо дня в день двойной ущерб: сырье гибнет, рыба мрет...

В тот же день председатель самолично взял пробы в сточных канализационных трубах, сделал лабораторные анализы, поблагодарил Сергея Семеныча и даже пообещал ему солидную премию.

И вскорости на территориях всех заводов, фабрик и комбинатов Калининского совнархоза появились какие-то новые сооружения: всевозможные отстойники, насосные станции, лаборатории. В Волге и ее притоках — ни одного грамма отбросов: их с толком используют на самих предприятиях.

И судаки вновь заселили свой Судачий омут. А бухгалтер Рыжиков поймал в нем крупного судака.

Во всяком случае, такие ходят слухи...

А теперь вернемся к суровой действительности.

Предприятия Калининского совнархоза по-прежнему травят в Волге все живое.

Блюстители закона по-прежнему штрафуют виновных за загрязнение реки. В одном городе Калинин за два года заводы уплатили штрафов около шестнадцати миллионов рублей. Кривая штрафов растет: только за три месяца 1960 года они перевалили за три миллиона рублей.

— В чем дело? — спрашивают друзья природы у Ивана Алексеевича. — Средств у вас, что ли, на строительство очистных сооружений не хватает?

— Средства-то есть, — скучным голосом отвечает товарищ Лукьянов, — да ведь все это отражается на себестоимости продукции. Дело это хлопотное, непривычное.

Непривычное дело... Не потому ли в прошлом году было израсходовано чуть больше половины средств, отпущенных для «просветления» Верхней Волги? Не потому ли вот уже три года на хлопчатобумажном комбинате недвижимо покоится оборудование для очистки сточных вод? И не потому ли в победных реляциях о производственных успехах совнархоза не найдешь вразумительных слов о мерах по спасению несчастного рыбьего племени?..

Волжские воды все темнеют. А руководители предприятий поглядывают на все это равнодушно и размышляют:

«Судаки — они что? Они у нас не запланированы...»

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

ОСТРЫМ ГЛАЗОМ

Недавно в гостях у Крокодила побывал художник Герберт Зандберг (ГДР). Обычно иностранные гости вручают свои визитные карточки. Так поступил и Г. Зандберг. Справедливо полагая, что лучшая визитная карточка художника — это его работы, наш гость оставил несколько своих шаржей, которые мы публикуем.

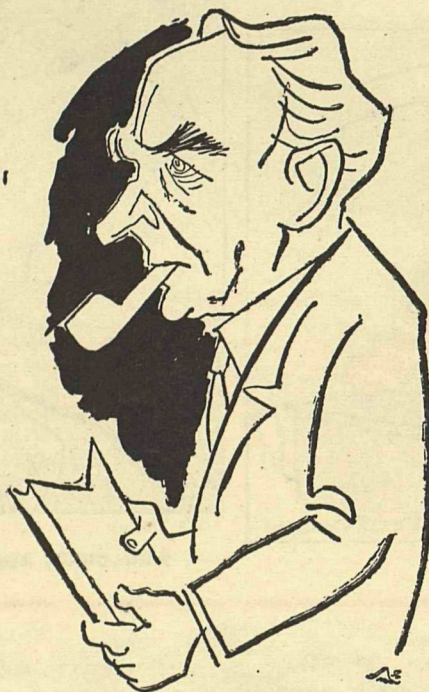
Дмитрий Шостакович.

Давид и Игорь Ойстрахи.

Анна Зегерс.

Константин Федин.

Джина Лоплобриджида.

Ласло ФЕЛЕКИ

Гулливвер В Африке

КОГДА мне сказали, что я не могу называться настоящим путешественником, пока не побываю в самой Черной Африке, я решил снова пуститься в путь. К сожалению, через несколько часов после вылета, когда мы находились над южной частью Африки, один из моторов самолета загорелся, и я был вынужден выброститься на парашюте. Благополучно достигнув земли, я, как впоследствии выяснилось, очутился в иоганнесбургских джунглях, где живет самое жестокое белокое африканское племя, которое простирает свою власть на всю территорию Южно-Африканского Союза.

Когда я плутал по джунглям (которые, впрочем, были весьма похожи на город), я внезапно услышал стрельбу. Какой-то негр с кротким выражением лица, схватив меня за руку, закричал:

— Ложитесь, если вам дорога жизнь!

Вместе с моим доброжелателем мы бросились на землю. И сделали это вовремя, ибо в тот же момент появились дикари на броневиках и принялись поливать автоматным огнем улицы. Изрешетив человек двадцать, они прогромыхали дальше, оглашая воздух воинственными криками. Мы долго не смели подняться. Потом мой сосед несколько успокоился и рассказал, что дикари, предводительствуемые своим старым вождем Фервурдом, ежедневно охотятся на людей. Уже делалось множество попыток для их укрощения, но до сих пор безрезультатно, так как эти дикие буры (название племени происходит от устрашающего крика «бу-у-у») не только жестоки, но и невероятно кровожадны.

Пораженный, я с содроганием слушал его рассказ. В это время я заметил, что неподалеку от нас один дикарь, схватив огромную резиновую дубинку, наносит удары по голове какому-то мужчине. Я не мог сдержаться, подошел к нему, схватил его за руку и спросил, за что он бьет этого человека. Туземец остолбенел от удивления, затем внимательно осмотрел меня и принялся терпеливо объяснять:

— Этот грязный черномазый, который не потрудился появиться на свет с более светлой кожей, осмеливается подвергнуть сомнению наше моральное и человеческое превосходство. Этих негодяев надо как-то обуздать! С упрямством, позорящим даже животных, они цепляются за свою жизнь и совершенно не ценят природу и звездное небо, почему-то желая жить под крышей. Самое возмутительное, что они хотят быть равными со своими хозяевами. Надо поэтому научить их послушанию, кротости и любви.

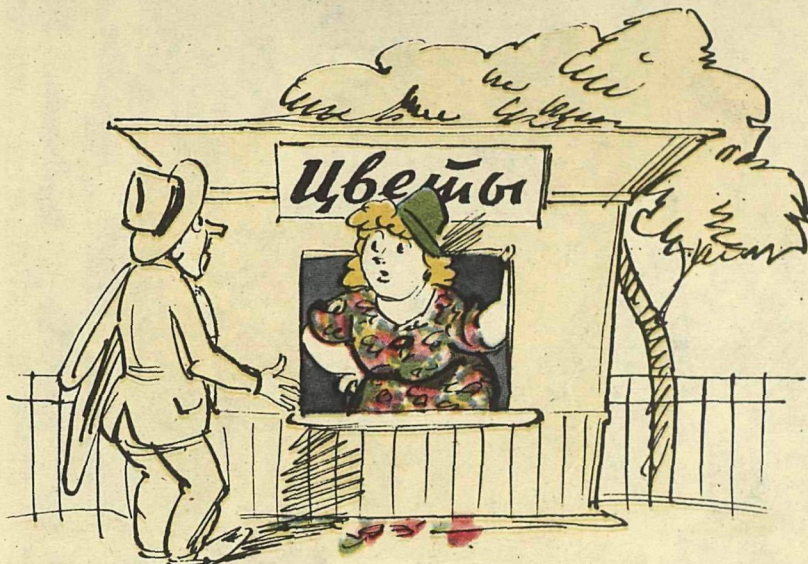
В этот момент он обронил обойму и, чертыхаясь, стал на четвереньки, чтобы собрать рассыпавшиеся патроны. Я мягко заметил ему, что такая поза больше подходит для представителей его племени. Раннее распрямление и ходьба на двух ногах не что иное, как простое подражание человеку.

Разгневанный, он вскочил, назвал меня наемником негров и заявил, что я, по-видимому, сам негр по происхождению, несмотря на мою внешность. Затем он арестовал меня и втолкнул в подземную тюрьму. Не стану рассказывать, сколь трудно было мне освободиться. Когда во время побега я встречался только со львами, пантерами, леопардами и ядовитыми змеями, я смотрел на них с симпатией, как на самые кроткие создания. А когда дома я снова прижал к сердцу жену, то с некоторой обидой подумал о южноафриканских неграх, цивилизаторская работа которых среди белых колонизаторов оставляет желать еще много лучшего.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

— Мне бы цветы!..

— Все проданы!

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Согласно этих данных, я изложил стихотворение».
(Из письма в редакцию).

«Вы все мной недовольны! А я ведь купил вам нарукавники, столы, купил стулья, чтобы вы плодотворно сидели!»
(Из выступления завхоза).

«С тех пор Александра Васильевна непрерывно находится за рулем трактора».
(Из доклада).

«В одно и то же время кормить, поить, выводить на прогулку и доить коров — в этом залог их высокой продуктивности».
(Из отчета).

Записала Н. ОВЧАРОВА

г. Белгород.

РОМАНЫ И РОМАНОВ

Десяток западных романов
Прочел юнец Гарольд Романов.
Прочтя, похвастаться решил:
— Читал я! Книжки хороши!..
— Что ж ты запомнил!
— Я в восторге
От замечательных картин:
Любовь в Труа,
Любовь в Нью-Йорке,
Любовь на острове Менорке,
Она же около Афин.
Вино в Севилье и в Лозанне.
Вино в селенье Тур дю Рон,
Оно же в городе Милане,
Оно ж у озера Гурон...

Как уважаемый мужчина,
Я уяснил себе вопрос:
В чем прелесть виски, бренди,
джина
И что такое кальвадос...
— И это все, что ты, Романов,
Из десяти извлек романов! —
Его спросили под конец.
— Все! — гордо вымолвил юнец.

А. МАЛИН

ТОРГОВАЯ РЕКЛАМА КРОКОДИЛА

В наши дни трудно, почти невозможно успешно вести торговлю без хорошо поставленной рекламы. Желая внести свой посильный вклад в развитие рекламного дела, мы и решили учредить в журнале новый отдел: «Торговая реклама Крокодила».

Заявки на публикацию объявлений принимаются как от торговых организаций, так и от отдельных лиц, именуемых в обиходе покупателями.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Перечень запасных частей к мотоциклу «М-72». Москва, 1959 г. 16 стр. Тираж 75 000 экз.

В живой и увлекательной форме книга рассказывает владельцам мотоцикла «М-72» о природе, сущности и назначении запасных частей к имеющемуся у них и вышедшему из строя самоходу. Достаточный тираж этого популярного издания позволяет заполнить досуг каждого несчастного мотоциклиста в высшей мере полезным и успокоительным чтением.

Ранее вышли «Перечни запасных частей» к мотоциклам «ИЖ-49», «ИЖ-56», «М-61», «К-175», «К-58», «Ява-50». Назначение этих аналогичных изданий то же, что и первого: лить бальзам на раны отчаявшихся любителей мотоспорта. Указанные литературные произведения могут быть смело отнесены к фантастическому жанру, так как в подавляющем большинстве магазинов и баз «Посылторга» запасных частей к мотоциклам, выражаясь высоким стилем, «в наличии не имеется».

«СЛАДКАЯ «КАТОРГА»

Псковторгиздат. 1960 г.

Роман в стихах повествует о горькой жизни граждан г. Не-

веля, Псковской области, в условиях полного отсутствия в магазинах горчицы и уксуса. Роман многоплановый. Помимо основной проблемы, он затрагивает также не менее жгучую тему отсутствия в продаже зубной пасты.

Роман построен на материале псковской действительности, но в него искусно вкраплены бытовые сцены, происходящие в г. Ейске, Краснодарского края, где людям тоже без горчицы живется довольно несладко.

«ЭТОГО МОГЛО НЕ СЛУЧИТЬСЯ»

Свердловское областное издательство. 1960 г.

Назидательная повесть для дома, для семьи. В ней рассказывается трогательная история Наташи К., честной труженицы Свердловского трамвайного парка, вставшей на путь преступления. В канун своей свадьбы доведенная до отчаяния Наташа пробралась глубокой ночью в здание краеведческого музея и выкрала саблю яицкого есаула, сподвижника Пугачева.

Этого могло не случиться — к такому совершенно правильному и логичному выводу приходит автор, имея в виду тот счастливый случай, если бы в магазинах г. Свердловска свободно продавались мясорубки. Тогда невинное желание приготовить к столу мясные котлеты не привело бы Наташу на скамью подсудимых.

ЗАЯВКИ

на небесные светила первой величины и шины резиновые к велосипедам всех марок «Союзпосылторгом», а также его отделениями на местах расцениваются как нереальные и впредь рассматриваться не будут.

ПРОПАЛИ

параллельные и пересекающиеся линии вместе со школьными тетрадами, на которые они нанесены. Нашедшего просят срочно сообщить в торговые организации г. Таганрога, Ростовской области, и Северского района, Краснодарского края.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00300. Изд. № 622. Подписано к печати 29/IV 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₂. Заказ № 1229. Тираж 1 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

10 МАЯ 1960

Рисунок Ю. ГАНФА.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпля
1960

— Позолоти ручку! Всю неправду скажу!..